

Магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Лиричный детектив

В повести Станислава Зальмунина соединились опыт, тонкие наблюдения и обобщения, встречи и сама жизнь, которая исполнена удивительных ситуаций и катаклизмов

Признаться, когда мне позвонили и сообщили, что бывший работник комбината, пенсионер, написал детектив и издал первую часть книги, с которой неплохо было бы познакомиться, я воспринял это без особого энтузиазма. В последние годы все книжные развалы буквально забиты подобной скорпией. Порой даже кажется, что любой мало-мальски грамотный и в меру усидчивый лелеет тщеславный замысел «трехнулет детективом», тем более что и время нынче похлеще всякого детектива: садись и срисовывай. Чем, собственно, и занимаюсь многие, являя на поверку серенькие, пошлые и похабные книжки-отрыжки, проносящиеся сленгом и «фенеи», открывшие матерщиной и полным безызычием.

Но веря в лучшее и следуя не писанному для меня правилу уважать работающего над словом, я съездил к автору, познакомился с ним, оказалось, заново — знакомы похороны мы были давно — и прочитал первую часть повести, которую я бы назвал детективно-приключенческой да еще с романтическим флером. Прочитал — и поразился за автора, Станислава Васильевича Зальмунина. Вторая часть книги закончена и ждет издания. А сегодня я хочу немного рассказать о самом авторе...

В Магнитке Станислав с 1960 года. Сначала работал землепользователем в шестом управлении, потом закончил 41-е техническое училище по специальности «машинист крана», работал на калибровочном заводе, затем на комбинате, на стане «4500», потом десять лет мастером производственного обучения в ГПТУ-41, в ГПТУ-90, потом — снова комбинат... На заслуженный отдых ушел в 1989 году.

Родился Станислав Зальмунин в забайкальском Улан-Уде. Отец, Василий Александрович, погиб в 1941-м под Москвой. Остался вдовцом с матерью — Платонидой Васильевной. Место гибели отца нашли не так давно, лет восемь назад ездили туда — в село Дорохино на братскую могилу. Послевоенное детство было, как и у всех мальчишек того времени. Как только научился читать, мимо книг не проходил. Детские книги тогда были редкостью, поэтому в четвертом классе прочитал «Красное и черное», «Мадам Бовари»...

Шли годы. Поступил в Московское артиллерийское училище, которое через год расформировали. Брат отца — военный хирург — помог перейти в бывшее Сталинградское суворовское училище в Оренбурге. Там и возникло первое желание самому взяться за перо...

В Магнитке изредка печатался в газетах «Калибровщик» и «Магнитогорский металл».

Многие годы, сначала подпольно, занимался карате, был тренером, прошел тренерские сборы по ушу. Известно, что эти виды единоборств требуют большого духовного совершенствования. Поэтому Станислав Васильевич считает, что именно в те годы начались нравственные подходы к написанию первого детектива. И в то же время он считает себя лириком. Вторая книга, над которой он сейчас работает, будет с лирическим уклоном.

Станислав Зальмунин считает себя по складу характера военным человеком и педагогом. После Суворовского поступил в сельскохозяйственный институт, но через год понял: не то. В Камышинское военное училище не пошел по состоянию здоровья, стал работать грузчиком в Кироводе. Но не всю же жизнь! Увидел картинку с видом Магнитки. Быстро собрался и с двумя друзьями приехал в легендарный город...

— Мы в России все ищем национальную идею, — говорит С. Зальмунин. — Во мне, наверное, все еще живет учитель, педагог. И поэтому я могу равнодушно наблюдать за обвалом на всех нас неких «западных ценностей», за уродованием молодежи и насилием над сознанием с телеэкранов. Втайне у меня появилось желание написать своего российского Джеймса Бонда, преследующего благородные цели, бескорыстно вставшего на защиту униженных и оскорбленных, на пути бандитов и коррупционеров. Об этом моя первая повесть «Волкодав-одиночка». Поэтому национальную идею я считаю патриотизм. Он заключается и в элементарном мужестве — работать, создавать, уметь сохранить себя от грязи стяжательства и равнодушия, не потерять главные человеческие качества — благородство, честь, достоинство и милосердие. Пять лет назад мои выпускники училища собирались и приглашали меня, в августе этого года был на встрече по случаю тридцатилетия окончания ими училища. И я рад за своих учеников. Они сохранили в душе чистоту и нравственную доблесть. Не все потеряно, чувство патриотизма есть в их сердцах, а значит, и в сердцах их детей...

Станислав Зальмунин считает свою повесть художественным вымыслом. Но на пустом месте случайно ничего не появляется. В повести соединились личный жизненный и спортивный опыт, опыт друзей и знакомых, тонкие наблюдения и обобщения, встречи и сама жизнь, которая исполнена удивительных катаклизмов и ситуаций. Остается добавить, что повесть написана хорошим русским языком без засилья сленга и «фенеи», с динамичным сюжетом. Сегодня предлагаем читателям маленький отрывок из нее.

Александр ПАВЛОВ.

Волкодав-одиночка

Отрывок из повести

В половине пятого к «Фонарю», что на площадке, подкатил джип с ободранным левым боксом и встал, загораживая вход в кафе. Из машины вышел парень и в два прыжка скрылся в кафе. Двое других, один из них был Жгут, тоже вышли и встали у машины. Закурили. Еще три машины стояли в разных углах площадки. Их водители занимались кто чем: один спал в салоне, другой пинал колесо, третий читал газету. Жгут и его напарник курили, слышавая, и тянули из бутылки колу.

И вдруг словно ниоткуда на площадке появился человек. Был он бос, в огромных холщовых штанах и в таком же пиджаке, вдоль и поперек перевязанный цветными лентами. На лице деловая маска клоуна. На голове — туго натянутый берет. Клоун колесом прошелся до середины, выпрыгнул вверх и закричал тонким голосом: «И раждане по-раждане. Объявляю конкурс: кто меня поймает — получит приз». В его руках появилась красивая пилка шоколада.

— Во придурок, — ухмыльнулся Жгут, — поймать кто ли?

— Не дергайся, — ответил напарник, — сейчас Генка выйдет и погоним.

Клоун прыгал, кривлялся, ухал, ахал, но никто к нему не приближался.

Недалеко от входа остановился человек пять и, поспеваясь, наблюдал за клоуном. А тот подбежал к ним, помахал шоколадом перед носом каждого. Но никто не хотел играть с ним в догонялки. Клоун подбежал к одной машине, к другой. Его до ушей улыбающаяся физиономия мелькала то там, то тут и, наконец, оказалась у джипа. С веселым криком: «Поймай!» — он резко сунул в нос Жгуту свой шоколад. Жгут отшатнулся, выронил бутылку, заорал «Разорву!», хотел схватить клоуна, но нагло улыбающаяся рожа уже была у дверей джипа. Жгут бросился туда, но клоун был уже стади джипа. Жгут, матерясь, — за ним. А клоун уже снова возле капота. Там он поскользнулся, и, падая, сбил с ног напарника Жгута. Вскочил и оказался у водительской двери. Жгут споткнулся о напарника. И они вдвоем принялись материть клоуна.

В это время из кафе быстро вышел третий с большой сумкой, аккуратно поставил ее в машину, глянул на возмущенную у капота пару: «Нажались, кто ли, уже? Все. Погнали». Жгут со злостью пнул бутылку и полез на водительское место. Оглянувшись, выскочившая клоуна, но того уже не было. Блякнула дверка и джип сорвался с места.

Андрей подбегал к своей машине, оставленной на стихийной площадке. Бросил под сиденье маску, берет, ленты, стал выезжать. Джип нагнал у светофора при выезде на Сосновское шоссе. И они полетели в сторону старого асфальтового завода в двадцати километрах от города. На выезде из города шоссе пересекло железнодорожную линию и сразу после поворота повернуло, а справа заснеженное поле. Метрах в двухстах впереди уже выдвинулся ожидающий «ММВ» Елисей. Джип начал вписываться в поворот, но взрыв под капотом изменил траекторию.

Тяжелая машина подпрыгнула над дорожкой, разорванная мощным взрывом, и частями по касательной вылетела в поле. На дороге в это время не было никого. Но с перепада уже набежали машины, три остановились. Как-то девушка, нервно крича по сотовому, вызвала «скорую». В машине Елисей не видел, что произошло, но, услышав взрыв, обернулся.

— Кого-то рванули, — сказал Коля-сервант. — Давай туда, — с непонятной трогательностью приказал Елисей и замер.

Остановились в метрах в пятидесяти от трагического места, и Елисей послал Колю-серванта. Вернулся Коля минут через десять, держа в руках покоренный гомосмер, разогнул его. Елисей глянул и закрыл глаза.

— Кто-нибудь живой остался?

— Какой там живой, — глухо ответил подручный. — Как после атомной бомбы. Джип в клочья.

Не открывая глаз, Елисей с тихим бешеным произнес: «Ну, Шура. Ну, сука. Обязал ты меня». И, не слезиваясь, заорал на водителя: «Домой!»

Они промчались мимо Андрея, машина которого стояла на обочине за переулком, и унеслись на Выселки. Так в городе называли место, где строились «новые русские». Андрей продолжил путь и за переулком съехал на проселок, ведущий на Сибирский тракт. Наступило время второго действия.

Маринка — небольшая деревушка — начиналась в трехстах метрах от тракта, а другой ее конец упирался в темную сторону тайги. Летом здесь красивейшие места, но городские почему-то не спешили строняться.

Дом с железными воротами Андрей увидел сразу. Машину подогнал багажником почти вплотную к воротам. Вышел. Осмотрелся. Во дворе залилась злобным лаем собаки. Справа от калитки — кнопка звонка. Ее Андрей проигнорировал и начал колотить ногой. Через минуту от дома послышался грубый голос:

— Что надо? Звонка, што ль, не видишь? — Хозяин! — радостно заорал Андрей, глядя на шпалы. Новенькие. Не пропикта. Задарма отдаю. Или за самогон. Банку новую поставишь или для скотины чего.

— Пошел ты со своими шпалами. Булачишь людей. Ворованные, небось, — уже не так грубо был ответ, да и голос приблизился.

— Да ты глянь сперва, — весело звал Андрей, — ровнехонькие. А вон сосед твой выглядит. Интересно.

Громыхнул засов, калитка приоткрылась, высунулось плечо в телогрейке, голова в ушанке. В следующее мгновение мужик оказался прижатым всем телом и лицом к железной ворот. Резанувший взгляд из прези маски, блеснувшие шило уперлось в горло, проколов кожу.

— Кто в доме? — тихо на ухо.

— Никого. Жена на коровнике. Еще не вернулась.

Боль от шила стала нестерпимой.

— Парнишка один. Спит. Выпили мы маленько.

— Где женщина с ребенком? — шило продвинулось еще чуть.

— В баньке она, в баньке, — хрипло затаролил мужик, — и ключ вот у меня в кармане. А я говорю...

Закончить он не успел, так как был выключен из сознания. Андрей рынком перемерил тело хозяина во двор, прикрыл калитку, тенью мелькнул в дверях сеней. Белая сибирская лайка захлебывалась лаем и рвалась с цепи.

В сенях Андрей упал на колени и рванул дверь в дом. Парень на диване, дружок Боксера, открыл глаза и в то же мгновение оказался на полу, на дорожке, в которую Андрей его и закатал. Объял скатертью со стола, конец которой оказался во рту охранника.

Замок на баше открылся сразу, и Андрей влетел внутрь. В предбаннике было темно и холодно. В углу на широкой скамейке что-то бесформенное. Раскидал какие-то тряпки и наткнулся на задремавший взгляд Татьяны. Она прижимала к себе Сашку, уткнувшегося ей в грудь. Подхватил мальчишку, другой рукой — Татьяну и бегом к калитке. Женщина и ребенок подумали ничего не успели, как оказались в машине. Чиркнул стартер, и машина вылетела на трассу. Вдруг с заднего сиденья послышался дрожательный голос Сашки: «Дядя Андрюша, ты не отащай нас бандитам?»

Пауза, не успевший ничего понять и увидеть, почему-то знал, что человек в маске — дядя Андрюша. Так Сашка всегда называл Андрея при редких встречах. Андрей остановил машину на обочине, стянул маску, и, встретившись с глазами Сашки в зеркале заднего вида, тихо и раздельно произнес:

— Никто никогда тебя не обидит, пока я жив.

— Говорил я тебе, — зашептал Сашка, устремившись в матери на плече.

Закрыв глаза и уснул. Андрей смотрел на него в зеркало и, наверное, впервые в жизни испытывал чувство удивления.

В машине было тепло. Летела по бокам тайга, и плакала Таня, освобождаясь от пережитого.

Когда подыехали к дому, было уже сумеречно. Андрей поднялся на этаж и постучал: «Игорь, это я». Дверь быстро открылась. «Не запирай!», — сказал Андрей и быстро сбегал вниз. Вернулся он с Татьяной и Сашкой. Игорь схватил их в охапку, охнул, видимо, отозвалось побитое тело, и все замерло. «Все, все, — приговаривал Андрей, разнимая их. — Сейчас в теплую ванну. Одежду всю в мусор. Слышишь, Игорь? В мусор».

Одежда на Татьяне и Сашке была грязной, мятой и рваной.

— Все, что можно из теплой одежды, — на себя, — приказывал Андрей, — легкие тряпки в сумку, документы с собой. Все документы: паспорта, удостоверения, договоры, квитанции об оплате, ордер на квартиру — все в сумку и ждите меня. Никому не открывайте, на звонки не отвечайте, сами не звоните. Все. Сашка не спускал глаз с Андрея. Андрей это заметил, присел, взял его лицо в ладони, улыбаясь, посмотрел в глаза:

— Не бойся ничего. Я приду.

Через полчаса Андрей был на Выселках. Прошел по улице, где стоял коттедж Елисея. Смотрел направо, налево. На втором этаже у Елисея в одном окне был виден свет. Что было на первом — не видно: все закрывало бетонный забор. Было ветрено и холодно, улица была пустыня. В мастерской Андрей переоделся в рабочую спецовку, приготовил все для предстоящего визита и в двадцать ноль-ноль сел в машину. На Выселках было по-прежнему темно. Машину оставил позади соседнего с Елисейским домом, а сам пошел дальше к соседнему коттеджу. Здесь напротив ворот, как и возле каждого дома, стоял бетонный столб, с него вниз спускалась кабель и под землей уходил внутрь ограды. Но у самой земли угол стлба был открыт. Чего-то Андрей с инструментом Андрей поставил на землю, взял ножницы по металлу с длинными ручками и наделыми на них кусками резинового шланга. Под ногой бросил кусок толстой резины. Прогрелся. Резко соединил ручки ножниц. Треск. Вышла. Шар из искр, Андрей, конечно, ничего не увидел. Лицо было закрыто. Свет в домах погас. Через некоторое время в окнах стали появляться отблески фонариков, свечей, керосиновых ламп. Чувствовалось, что это для жителей поселка привычно. В машине Андрей подождал полчаса. Он догадывался о лавине звонков в диспетчерскую. Знал, что спешить там не будут.

Дом Елисея был темным и тихим. Андрей с минуты на минуту ожидал, пока кто-то не спросит из глубины двора:

— Кто и что надо?

— Это вам надо, — прокричал Андрей, — электрик.

Калитка открылась, и вышел парень. «А чоко», разумеется:

— Что-то быстро на этот раз, — пробурчал, освещая Андрея фонариком.

— Звонки ваши достали уже.

— То-то же. А чего такой извозоканый?

— Это ты здесь в тепле и хале. Что коротнуло-то? Опять, поди, три сварочника враз включили?

— Да ничего не коротнуло. Свет погас и все. Ты один?

— Трое. Остальные по другим домам пошли. Давай показывай, где рубильник.

Пиликнул телефон в кармане у охранника:

— Да, шеф. Это электрик, шеф. Пустить? Понял.

Провел Андрея в гараж, показал распределитель. Андрей открыл его, вырубил рубильник. Загорелись верхние «губки»: на всякий случай. Наклонился к своему чемоданчику. Парень так и не понял, какая сила бросила его на пол, прижала щекой к бетону, завернула руку за спину. Он захрипел от боли. В следующий миг что-то тонкое и острое прокололо кожу у глаза, возле виска.

— Тихо. Отвечай быстро, — Андрей нажал на шило, закапала кровь. — Сколько людей в доме? Где они?

— В гостиной пятеро. На втором этаже в кабинете шефа он сам и Юра-сервант.

— Оружие?

— У всех стволы, кроме шефа.

— Кто может прийти?

— Откуда я знаю? Приказано никого не пускать без доклада.

— Где второй сервант?

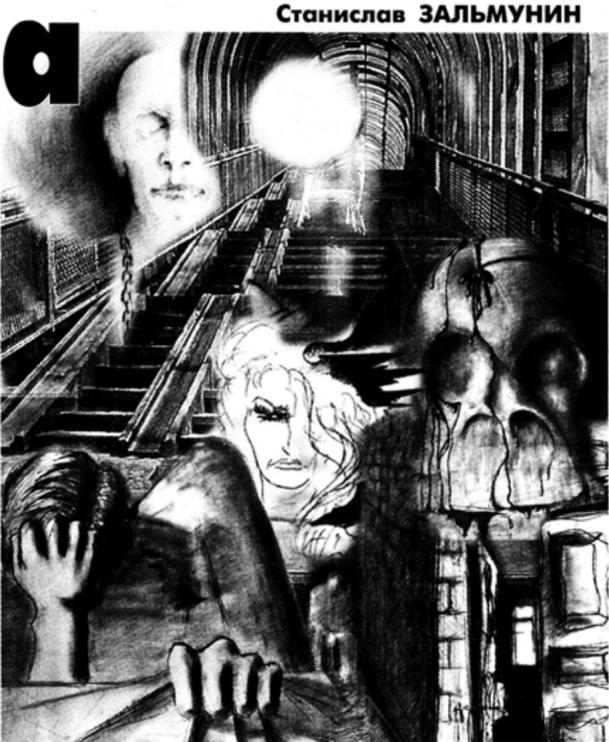
— Шеф куда-то отослал.

Возле носа охранника оказалась рукоятка шила, брызнула короткая струйка в глаза, в нос, и через секунды парень мирно уснул. Андрей затолкал его под машину и скользнул к двери ведущей в дом. Поднял руку по лестнице и справа увидел дверь гостиной. Оттуда слышался голоса. Андрею не нужен был свет: с закрытыми глазами он мог видеть в темноте после двух лет тренировок в школе. Дверь поддалась легко и бесшумно. В образовавшуюся щель Андрей направил струю газа. Опустошил всю ракетку шила. Разговор в гостиной поспешно затих, установилась полная тишина.

На втором этаже было пять дверей: ванная, туалет, две спальни, кабинет хозяйки. Через дверь Андрей смутно увидел стол напротив двери, кресло у окна. Над спинкой виднелась голова. Возле стола правым боком к Андрею стоял еще один человек. Сидящий в кресле разговаривал по телефону. Андрей чуть приоткрыл дверь: «...да я не паникую. Просто непонятки какие-то. Шура-Москва сам позвонил. Божится, что не его рук дело...» а хрен его знает. Я Колю послал. Звонил сейчас. Никто ничего не знает, даже отец Кадорского...» Андрей открыл дверь и вошел. Было темно, но предметы все же различимы: и человек у стола — Юра-сервант, увидел темную фигуру без лица, среагировал мгновенно: его правая рука метнулась к левому боку. Он успел выхватить пистолет.

Расстояние между Андреем и Юрой-сервантом было метра четыре, но Андрей был уже в прыжке. Когда его ноги коснулись пола, Юра-сервант был мертв. В тот же миг улавка захлестнула шею Елисея. Он успел только повернуть голову в сторону подручного, когда тот дернулся за оружием, но уже ничего не увидел.

Улавка стигавшая все туже, и Елисей начал терять сознание. Но в последний момент давление ослабло. И возле уха Елисей услышал тихий равнодушный голос: «Ты был о нашем разговоре. А ведь следователем был. Ты не выполнил мою просьбу. И я

выполнил свое обещание: ты потерял своих людей. Но за тобой еще долг — двадцать пять тысяч долларов».

— Нет у меня таких денег, — захрипел Елисей.

Он понял, кто пришел, и пытался потянуть время, но дыхание вновь сильно затруднилось: «У тебя десять секунд. Липшее движение — и ты умрешь. А я заберу все. Действуй». И улавка исчезла. Елисей был как во сне.

Встал и пошел к столу. За ним стена. На стене — картина. За картиной — сейф. В сейфе деньги и пистолет. Все по правилам. Без фантазий.

Сейф открыт, попытка пресечения. Андрей включил сильный фонарь и подал Елисею большую спортивную сумку: «Не ошибись. Все должно быть точно».

Когда на сумке вжинула молния, закрывая ее, в сейфе еще оставались плотные пакки.

Андрей взял сумку, подошел к окну, открыл и исчез. Елисей тут же бросился к телу подручного, наткнулся на пистолет, схватил его, высунулся в окно и стал стрелять. Но стрелять было уже не в кого. Андрей перебежал двор, словно влетел над бетонной стеной. Елисей крутил головой, звал охранников, едва не вывалился из окна. А Андрей уже бросил тяжелую сумку в машину, круто развернулся и слился с темной лентой насыпной дороги.

У дома Боксера остановился, поднялся на этаж, аккуратно положил ключи под дверь. В машине набрал на мобильнике, который привхватил у Елисея, 02.

— Слышь, дежурный. У соседа, через стену, вроде как стреляют. Приехали бы. А? Ну да. Адрес: Пешкова, 15-25, — и Андрей отключился.

Проезжая мимо мусорного бака, забросил туда телефон. Андрей понимал, что виновника сегодняшней бузы в городе начнут искать. И криминал, и милиция. Выход на него только через Игоря. Значит, всю семью надо спрятать. Можно в городе — есть у кого. Но тогда в опасное дело будут втянуты посторонние люди. Не подходит. Снять квартиру — все равно засветится. Отправить в другой город к родственникам или друзьям — могут вычислить. Вариант пока один — к себе. Но к нему, Андрею, и милиция, и криминал придут — это ясно. Значит, надо активизировать работу мастерской.

Игорь отключился на стук не сразу. Семья, уже одетая, с сумками, вышла на площадку. Андрей запер оба замка и ключи скоро уже были дома у Андрея. Андрей объяснил им ситуацию. Молчали. Потом Таня поддала голос: «У меня в Подмоскovie живет близкая студенческая подруга. О ней никто не знает. Пусть Игорь. Еще до моего замужества мы последний раз виделись. А писем никогда и не писали друг другу. Она мне говорила: «Если что... приезжай»».

— Голится, — сказал Андрей — только из города выезжать надо пригородным автобусом. А уж потом — самолетом или поездом. Все. Решили. Теперь — спать. Таня и Саша — в моей спальне, мы в зале. Там нет постели, Игорь. Приехали.

...А на следующее утро в город пришла весна.

Уже в десять часов утреннего времени температура была ноль градусов. Яркое большое золотое солнце. Небесно-прекрасное. И ни ветра, ни дупновения. Снега было еще много. Но одно дело — снег при минусе тридцати и другое — при нолье градусов и ярком теплом солнце. Все сверкало, блеснуло, горело золотом и улыбалось. Весело, игриво и не протиную громахали трамваи. Автомобили щедро отражали солнечные полпрозрачными боками.

Даже божки были повеселели.